

Борисова Ольга Геннадиевна, Костина Людмила Юрьевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
leliastom@mail.ru, patriot30@mail.ru

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когниции

Аннотация

В статье рассмотрены когнитивные механизмы возникновения кубанских устойчивых выражений с анималистической лексикой, репрезентирующих значимый фрагмент диалектной картины мира. Языковой базой исследования послужили региональные печатные и рукописные лексикографические источники по кубанским говорам, а также данные многолетних диалектологических экспедиций. Продемонстрировано разнообразие когнитивных механизмов, в основе которых лежат непосредственные наблюдения носителей говора за повадками, особенностями внешности, голоса, запаха животных и за действиями человека по отношению к ним. Количество и разнообразие найденных единиц подтверждают значимость зооморфного кода в мировосприятии жителей Кубани. Выявлены этнокультурные приращения устойчивых выражений, раскрывающие своеобразие картины мира сельского жителя. Проанализированы дискурсивные источники появления фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, что позволило проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний человека. Показано, что в значениях кубанских фразеологизмов как продукте когнитивно-дискурсивной деятельности диалектоносителей интегрируются результаты чувственных впечатлений и деятельностного познания окружающего мира.

Ключевые слова: диалектная картина мира, зооморфный код, кубанские говоры, механизмы когниции, зоонимы, фразеологизмы.

© Борисова О. Г., Костина Л. Ю. 2021

Для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когниции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 35–51. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51.

1. Введение [Introduction]

Фразеологический фрагмент диалектной картины мира (далее – ДКМ) транслирует мировосприятие народа в разных аспектах и на разных этапах его существования. Свообразие воззрений человека на окружающий мир наиболее ёмко и лаконично проявляется на фразеологическом уровне. К одной из наиболее распространённых и древних форм языковой номинации относится анималистическая фразеология, поскольку человеку свойственно постигать окружающий мир и самого себя как часть этого мира через сравнение с животными. В кубанских говорах (далее – КГ) фразеологические единицы (далее – ФЕ) с компонентом-зоонимом образуют многочисленный и колоритный пласт. В диссертационных исследованиях по КГ они рассматривались в структурно-семантическом аспекте (см. [Борисова, 2019; Чалов, 1981]). Новизна работы, результаты которой представлены в данной статье, заключается в том, что впервые кубанские ФЕ с анималистической лексикой, репрезентирующие значимый фрагмент ДКМ жителей Кубани, подвергаются когнитивному анализу с целью выявления механизмов когниции.

Фактологической базой исследования послужили диалектные фразеологические единицы (далее – ДФЕ) с зоонимами, представленные в региональных печатных и руко-

писных лексикографических источниках [Русский говор..., 1991; Андриященко и др., 2009; Борисова, 2018; Лексика и фразеология..., 2019], а также данные полевых экспедиций 2005–2019 гг.

2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ языкового материала демонстрирует разнообразие когнитивных механизмов возникновения ДФЕ с анималистической лексикой, в основе которых лежат непосредственные наблюдения за поведением животных, особенностями их внешности, голоса, запаха и т. д. В процессе этих наблюдений человек опирается на чувственные впечатления и в силу антропоцентричности своего мировидения проводит параллель между собственным миром и миром животных. Полученная благодаря органам чувств (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние) информация, обуславливающая процесс фразеологической номинации, анализируется и интерпретируется головным мозгом, превращаясь в продукт когнитивной деятельности. Выявление образных оснований ДФЕ с компонентом-зоонимом позволяет через обыденные, привычные представления о животных обнаружить этнокультурные приращения устойчивых выражений, раскрывающие своеобразие картины мира сельского жителя.

Подавляющее большинство кубанских ФЕ с анималистической лексикой опирается на зрительное восприятие. Так, воинственность, драчливость, важность при ходьбе *петуха* / *кочета* воплотились в следующих устойчивых оборотах: *петух драчливый* ‘об очень вспыльчивом человеке’, *стоять петухами* ‘стоять в позе, готовой к драке’, *ходить кочетом / как кочет* ‘важничать, хвастаться’. Агрессивность кавказского слепца (*зи́ньский щеня*), который первым нападает (*кы́дается*) на человека, впиваясь острыми зубами в икры ног, нашла отражение в устойчивом сравнении (далее – УС) *кы́даться как зи́ньске щеня* ‘агрессивно нападать на кого-л.’. Этот зверёк обладает способностью высоко прыгать (*си́гать*), что стало основанием для появления УС *си́гать как зи́ньске щеня* ‘высоко подпрыгивать (чаще о детях)’. В УС *прыстать как до хли́бу черепа́шка* ‘вести себя излишне назойливо’ актуализируется следующая дискурсивная ситуация: клоп черепашка, являясь опасным вредителем злаковых культур, особенно яровой пшеницы, прилегает к растению и высасывает из него сок.

См. также другие ДФЕ, возникшие как результат зрительных наблюдений над поведением и действиями животных: *би́(е)гать ~ как вша по га́шныку, как за́санна(я) мы́ша, как бе́шена(я) худоба* ‘суетиться без толку’, *бу́читься как тело́к* ‘проявлять упрямство’, *вы́качаться как свиння́* ‘сильно испачкаться’, *гляде́ть / смотре́ть / ко́си́ться бугаём / я́стребом* ‘глядеть / смотреть злобно’, *забра́ться как волк в коша́ру* ‘нахально войти куда-л.’, *загляда́ть как / как соро́ка в масла́к* ‘1) смотреть с опаской; 2) смотреть с удивлением’, *замёрзнуть как цу́ценя́, труси́(ы)́ться как цу́ценя́* ‘сильно замёрзнув, дрожать от холода’, *засыди́ться как кво́чка на гнезди́* ‘не выйти замуж в положенный срок’, *копа́ться / ковыря́ться как жук в наво́зе / говне́* ‘очень долго и медленно выполнять какую-л. работу, делать что-л.’, *нае́ться / напи́ться как бу́зевок* ‘наестся / напиться до отвала’ (*бу́зевок* ‘годовалый телёнок’), *носи́(ы)́ться ~ как кот с са́лом, как / как ку́рка с яйцо́м / с кра́шенкой* ‘уделять излишнее внимание кому- или чему-л.’, *прычепы́ться как жа́ба на пенёк* ‘примоститься на самом краешке’, *россе́сться как кво́чка* ‘1) расположиться надолго на одном месте’; 2) сесть, заняв много места’, *сиде́ть как кво́чка* ‘сидеть неподвижно на одном месте’, *ходи́ть как опоённая ло́шадь* ‘ходить удручённым чем-л.’, *ходы́ть как соба́ка за су́чкой* ‘быть очень сильно к кому-л. привязанным’, *шала́ться как кобе́ль* ‘вести разгульный образ жизни (о мужчине)’, *шкандыба́ть как кля́ча* ‘ковылять, хромать’, *как моль съе́ла* ‘мгновенно исчезло’, *живу́т(ь), как пчёлы в у́лик ле́зут* ‘о людях, живущих в тесноте’. Названные

устойчивые обороты, как правило, номинируют действия и состояния человека, что характерно для глагольных ДФЕ в целом [ср. Фёдоров, 1980, с. 86].

Поведенческие особенности животных лежат в основе ряда номинативных и адъективных ДФЕ. Так, заторможенность и вялость кастрированных баранов или козлов (*ва'лухов*) стала образным основанием УС *як / как ва'лук* 'о медлительном, нерасторопном человеке'. Появление УС как *спа'совский зык* 'о злом человеке' вызвано тем, что *зык* 'овод' наиболее активен в сухую, жаркую погоду, которая приходится на Кубани на август, когда отмечается церковный праздник – Спас. См. также: *ко'шка на дыбо'шки* 'о человеке, резко проявляющем несогласие, отстаивающем кого- или что-л.', *як ки'шка з(с) кошень'мы* 'о женщине, заботливо относящейся к детям', *боязко'й як за'яц* 'о трусливом человеке', *норови'тый як конь* 'об упрямом, с норовом человеке', *як пу'жанный ко(и)т* 'о напуганном человеке, чувствующем свою вину', *як мы'ша* 'о юрком, быстром человеке', *как шурпе'ки* 'о воинственно настроенных людях, готовых быстро и стремительно напасть на своего противника' (*шурпе'к* 'коршун, охотящийся на домашнюю птицу').

Поведение и физические особенности отдельных животных позволяют сделать выводы об их умственных способностях. Эти характеристики становятся основанием ДФЕ, в которых отсутствие интеллекта и смекалки у человека раскрываются через понятные для членов диалектного сообщества образы домашних животных. Так, с глупостью и несообразительностью в языковом сознании носителей КГ ассоциируются овца и свинья. См., напр.: *овца' непониму'чая* 'о бестолковом, плохо соображающем человеке', *как свинье' не'ба не вида'ть* 'чего-то не достигнуть, не добиться из-за отсутствия способностей', *не дал Бог свинье' рог* 'кто-л. не имеет каких-л. способностей или возможностей'. В указанных ДФЕ отсутствие ума и смекалки подчёркивается с помощью отрицательной частицы / приставки НЕ. Принцип недостаточности, неполноты лежит в основе многих русских ФЕ, характеризующих нарушения умственных способностей человека [Ивашко, 1981]. В УС *как сто свине'й дурно'й* 'об очень глупом человеке' негативное отношение к недостатку ума усиливается гиперболой. Глупость в языковом сознании носителей КГ может ассоциироваться с неопытностью, являющейся следствием молодого возраста, что находит отражение в двух ДФЕ: *ды'ке курча'* 'несмышлёный, неопытный человек, обычно ребёнок' и *дурне' теля'* 'о глупом, неопытном, молодом человеке'. В их состав входят наименования детёнышей животных, имеющих в КГ с украинской языковой основой форму среднего рода. В этих древних формах запечатлелось древнерусское восприятие неполнолетних существ как несамостоятельных и социально-пассивных.

В основании ФЕ, возникших на основе зрительного восприятия животных, лежат не только их повадки, но и внешний вид, который, как правило, проецируется на человека. См., напр.: *кобы'ла стры'жена(я)* 'о девушке или женщине с короткой стрижкой', *козёл безборо'дый, цап задри'станный* 'выражение презрительного отношения к мужчине', *луна'та(я) сова'* 'о человеке с глазами навыкате', *хоть / хочь саранчу' топчи'* 'об очень большом размере ноги' (*саранча* – одно из самых крупных насекомых, встречающихся на Кубани, в длину составляет 9 см), *мане'нька соба'чка до сме'рти / до ста'рости шарча'* 'о невысоком, шуплом человеке, который в зрелые годы выглядит моложаво, поэтому его возраст трудно определить' (*шарча'* 'щенок'), *як гавыня'та* 'о голодных детях, ждущих, когда им дадут поесть' (*гавыня'та* 'птенцы вороны'), *як горобе'ц(ь)* 'о маленьком ребёнке' (*горобе'ц(ь)* 'воробей'), *як ки'шка сыдя'ча* 'о худой, шуплой девушке или женщине', *як королёк* 'о человеке небольшого роста' (*королёк* 'небольшой петушок или курочка'), *как парши'вый курёнок* 'о слабом, болезненном ребёнке', *як курча'та* 'о маленьких детях, сбившихся стайкой' (*курча'та* 'цыплята'), *как свинья' под лопухо'м* 'о смешном, нелепом внешнем виде человека', *как ча'пля* 'об очень худом человеке' (*ча'пля* 'цапля'), *кы'рпа як у поросёнка* 'о носе, напоминающем

круглое рыло поросёнка', *гла'дкий як буга'й* 'о толстом, упитанном мужчине', *дли'нный как гадю'ка* 'о чём-л. очень длинном'¹, *гряз'ный как чушка'*, *забрёханный як порося'* 'об очень грязном человеке', *здоровый / кру'пный як буга'й* 'о сильном, физически крепком мужчине', *краси'(ы')вый как / як ко(и)нь си'(ы')вый* 'ирон. о постаревшем, некрасивом человеке', *рябо'й как ку'рица* 'о конопатом человеке', *си'ний як ку'ра'чий пуп* 'о поси-невшем от холода человеке', *стро'йна(я) як кобылы'ця* 'о стройной девушке или женщине', *то'лстоха'рий як хряк* 'о человеке с крупным, толстым лицом', *наду'ться як инды'к* 'о человеке, выражающем своим видом обиду и недовольство' и др. Среди представленных примеров преобладают компаративные обороты. В отдельных случаях у них фиксируется отсутствие основания сравнения, необязательность которого объясняется тем, что «этот признак оказывается выделенным уже в коллективном сознании говорящих и для его проявления достаточно указания на сам факт сравнения» [Огольцов, 1978, с. 80–81]. Представляется, что образные зрительные ассоциации пламени и яркого оперения петуха легли в основу ДФЕ *пусти'ть кра'сного ко'чета / петуха* 'устроить пожар' (см. также др. версии в [Бирих и др., 2001, с. 443–444]).

К ориентированным на слуховые ассоциации можно отнести следующие кубанские устойчивые выражения: *как гу'си на вы'паса* 'о громко говорящих, галдящих людях', *брехли'вый / балаку'чий як соро'ка* 'о болтливом человеке', *выть як су'чка на я'рмарке*, *реве'ть як буга'й* 'громко плакать' (*буга'й* 'некастрированный бык'), *иржа'ть як / как кобы'ла* 'о громко смеющейся девушке или женщине', *мурча'ть как кот над са'лом* 'испытывать удовольствие, наслаждение', *регота'ть як лоша'ка*, *ржась как ме'рин в сто'йле* 'о громко смеющемся человеке', *скавча'ть як цуценья'* 'тихо плакать, ныть' (*цуценья'* 'щенок'), *скубты'сь как саба'ки* 'ругаться, ссориться', *подхва-ти'ть се'лезня* 'простудиться и громко кашлять' и др.

Наблюдая за петухами, сельские жители замечали, что они поют три раза за ночь: первые петухи – в полночь, вторые – до зари и третьи – на заре. В этой связи закономерно использование зоонима *кочеты'* в ДФЕ *с пе'рвыми кочета'ми, до пе'рвых ко-чето'в* 'в первом часу ночи', *со вторы'ми кочета'ми, до вторы'х кочето'в* 'во втором часу ночи', *с тре'тними кочета'ми, до тре'тних кочето'в* 'в четвертом часу утра, перед рассветом', в которых актуализируется значение 'раннее время'. *Тре'тьи кочеты'* будят для утренних доек и выгона скота на пастбища. Таким образом, зооним *кочеты'*, как и его общенародный синоним *петухи'*, является в КГ темпоральным словом, обозначающим определенное время суток. Образным основанием ДФЕ *в свино'й / сви-ня'чий го'лос* 'очень поздно' также являются слуховые ассоциации – хрюканье и визг поздно возвращавшихся с пастбища свиней, которых раньше не держали в хлеву, а выгоняли пастись, как коров.

Наличие в КГ компаративных оборотов *го'лос как у поросёнка в моро'з, го'лос як у козла' писля' моро'за, как / як той солове'йко, што ку'ре'й / кур ду'шит*, характеризующих резкий, визгливый голос – признак отсутствия певческих данных, связано с мощными песенными традициями кубанских казаков, для которых неумение петь считалось большим недостатком, – к тем, у кого отсутствовал певческий голос, относились пренебрежительно и иронически.

В состав ДФЕ *в голове' жуки' гудя'т(ь)* 'у кого-л. сильно повысилось давление, появился шум в голове' и *чмылы' слу'хатъ* 'быть в бессознательном состоянии' входят инсектонимы, жужжание которых ассоциируется в сознании диалектоносителей с болезненным состоянием – шумом в голове и потерей сознания. Актуализация значения 'оказаться вдруг в одиночестве, в тишине' у ДФЕ *шмеле'й (чмеле'й) слу'хатъ*

¹ В наших материалах данное УС не зафиксировано по отношению к человеку. Приведём один из контекстов: *Там, на Цылине', го'ны дли'нные как гадю'ки: нака' прае'диш – ужэ' абе'т* (ст-ца Зассовская), где *гон* 'участок пахотной земли'.

(*слу'шать*) обусловлена иной дискурсивной ситуацией: спустя некоторое время после пребывания в одиночестве и тишине нервные клетки, передающие звук, посылают в мозг различные сигналы, и человек начинает улавливать не слышимые в повседневности звуки, вследствие чего от нервного напряжения тишина становится звенящей («жужжащей»).

Слуховые ассоциации являются основанием и для адвербиальных устойчивых выражений: *как жук в но'рке* 'тихо, незаметно', *как мышь / мы'ша на ру'шке* 'очень тихо, неслышно'.

Возникновение значения '*выть*' у устойчивого номенклатурно-терминологического словосочетания (далее – УНТС) *водяно'й буга'й* можно объяснить сходством крика птицы с рёвом быка-бугая [ср. Шипова, 1976, с. 89]. В КГ данное УНТС номинирует и жука (*Hydrophilus piceus*), который также издаёт громкие звуки. Полагаем, что в данном случае наблюдается одна из разновидностей семантической деривации – омонимическое притяжение, при котором единая материальная оболочка обретает разные значения благодаря прозрачной и понятной членам диалектного сообщества внутренней форме.

Ряд ДФЕ базируется на осязательных, обонятельных или вкусовых впечатлениях носителей КГ. См., напр.: *ти'кы жаб коло'ть* 'о тупом ноже', *злой как осе'нняя му'ха* 'о злом человеке', *мо'кри як курча'та* 'о детях с босыми промокшими ногами', *мо'крый як мы'ша* 'о сильно вспотевшем человеке', *ру'ки / но'ги как у жа'бы* 'об очень холодных конечностях', *ско'льзкий как ужа'ка* 'о хитром, изворотливом человеке', *как коты' соса'ли* 'о слипшихся, давно не расчёсывавшихся волосах', *по животу' ко'шки ла'зят* 'у кого-л. появилось большое желание выпить спиртное', *ко'шки скубу'т* 'у кого-л. тоскливо и тревожно на душе', *не ню'хатъ ш(с)мале'ного во'л(в)ку(а)* 'не знать трудностей', *па'хнет сма'ленным во'л(в)ком* 'называют какие-то неприятности', *оце' в ро'ти на'че гу'си переночува'лы* 'о неприятном ощущении во рту с похмелья', *не йистъ до'хлого ко'ршуна* 'не знать трудностей' и др.

Когнитивную основу некоторых устойчивых оборотов составляют одновременно и слуховые, и зрительные ассоциации. Так, поведение собаки и человека в новолуние нашло отражение в ДФЕ, равной по структуре сложному предложению, – *на молодикун' соба'ки бе'сятъ и лю'ди ве'сятъ*, номинирующей их нервное состояние. Общеизвестно влияние Луны на гравитационное поле Земли, изменение которого и приводит к меланхолии и депрессии у человека и перевозбуждению и вою у собак. Ещё один пример – УС *расходи'лась как квочка пе'ред бурей* 'о женщине, впавшей в нервное состояние, бурно выражающей свои эмоции'. УС возникло из наблюдений над курами, которые, предчувствуя приближение грозы, начинают кудахтать и беспокойно себя вести.

Чувственные ассоциации, как показывают приведённые устойчивые обороты, способствуют созданию ярких, запоминающихся образов, вызывающих чёткое представление о сравниваемом объекте, в результате чего рождаются этнически и культурно маркированные ФЕ. Дискурсивные источники появления кубанских ФЕ с компонентом-зоонимом разнообразны. Их выяснение позволяет проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний об окружающем мире.

Ряд ДФЕ обязан хозяйственной и промысловой деятельности кубанских казаков. Так, из охотничьего лексикона в КГ пришёл компаративный оборот *гоня'ть как / як солёного / соло'ного за'йца* 'ругать, устраивать нагоняй'. Известно, что охотники приманивают зверей, в том числе зайцев, устраивая специальные сооружения для подкормки животных солью (*солонцы*). Можно привести и другие устойчивые выражения, возникшие в пространстве охотничьего дискурса: *ле(и)зть во'л(в)ку в пасть* 'подвергать себя опасности', *хоть / хочь волко'в / соба'к гоня'й* 'о холодном помещении', *как вол(в)к в шерсти'* 'о страшном, обросшем человеке', *как го'нчая* 'о том, кто успевает делать много дел, часто в разных местах', *бе'гать как ку'цый хвост за за'йцем* 'ухаживать за

девушкой', *гребану́ть як на взлёт у́тка* 'побежать, стремительно сорвавшись с места', *жить как бирю́к в норе́* 'жить одиноко, замкнуто'.

С рыбацким промыслом, который весьма развит среди кубанских казаков, связаны следующие ДФЕ и УС: *саза́н икря́ный* 'прозвище толстых мужчин', *гнать тю́лку по мо́рю*, *трави́ть тю́лку* 'врать', *налови́ть ры́бки* 'обмочиться (о детях)', *ры́бку рыба́чить*, *а ры́бку не ба́чить* 'страдать недержанием мочи (о детях)', *шеле́сть ры́ба в во́ду и не бу́лькнула* 'что-л. бесследно исчезло или кто-л. незаметно ушёл', *как ры́ба в воде́* 'о человеке, ведущем замкнутый образ жизни', *худо́й ~ як треска́*, *як че́хоня*, *как тара́н(ь)ка*, *юркы́й як лиц* 'об изворотливом человеке', *попа́сться как сом в ве́ршу* 'попасть впросак', *трепа́ться как ры́ба об лёд / би́ться як ры́ба подо льдо́м* 'тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать'.

При всём многообразии видов трудовой деятельности приоритетными на Кубани являются земледелие и животноводство. Для сельского человека они залог достатка и благополучия, которые не могут быть достигнуты при занятии другими видами деятельности. Недаром кубанцы шутят: *ры́бка да за́йчики дове[э]ду́т(ь) до ста́рчики / ры́бка та за́йчики заве[э]ду́т(ь) у ста́рчики*, т. е., занимаясь охотой и рыбалкой, останешься бедным, много не заработаешь (*ста́рчика* 'нищета'). С разведением домашнего скота и уходом за ним связаны такие ДФЕ, как *быка́м / вола́м хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать на волах ездовым, выпасать волов', *ко́ням / ко́ням хвосты́ крути́(ы)ть* 'ухаживать за лошадьми', *коро́вам хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать дояркой или скотником, пасти коров, числиться работником молочно-товарной фермы (МТФ), быть животноводом', *теля́там хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать телятницей', *сви́ньям хвосты́ верте́ть* 'работать на свиноферме'. Все приведённые ДФЕ функционируют в КГ в двух значениях: '1) выполнять несложную или грязную, не пользующуюся уважением и не требующую особой квалификации и большого ума работу; 2) бездельничать'.

Понятие *бездельничать* в говорах подвергается детализации, концептуализируясь в ДКМ в силу культурной значимости труда в сознании сельского человека. В КГ зарегистрирован ряд пейоративно окрашенных ДФЕ с интегральной семой 'бездельничать', в значении которых выделяются дифференциальные семы 'заниматься заведомо бесполезной работой'. В этих фраземах могут отражаться как правдоподобные, так и воображаемые действия человека над животным. Так, реальные дискурсивные ситуации (чаще с участием мальчишек) выступают прототипом следующих ДФЕ: *лягу́шек битъ*, *глаза́ лягу́шкам выковы́ривать / выши́ривать*, *горобцо́ (и)в гоня́ть*, *соба́к дразни́ть / дра́тува́ть*, *горобця́м ду́ли круты́ть / дава́ть*, *гав ловы́ (и)ть*, *мух ловы́ (и)ть*. Экспрессивность ФЕ *на соба́ках шерсть битъ*, *соба́кам се́но коси́ть*, *на соба́к га́вкать / бреха́ть* базируется на отсутствии в действиях, выраженных глагольным компонентом, здравого смысла. ДФЕ *води́ть обезья́ну* имеет дифференциальную сему 'ходить по гостям, шататься'. Наличие в составе выражения экзотичного для Кубани зоонима повышает экспрессивный тонус фразеологизма. Воображаемое действие актуализируется и в ДФЕ *коту́ / ко́ (и)шке хвоста́ не завяза́ть* 'ничего не делать по дому'. Появление дифференциальной семы 'по дому' связано с тем, что коты устойчиво воспринимаются носителями диалекта как животные, в большей степени привязанные к дому, ко двору, чем к хозяину, поэтому ассоциируются с домашним бытом. Реальные действия человека переосмысливаются в обладающих диффузной семантикой ДФЕ *трём сви́ньям то́лку не да́ть*, *трём сви́ньям йи́сты не разде́ле*, иронично номинирующих медлительного, ленивого, нерасторопного человека, неспособного что-л. делать или в чём-л. разбираться.

Четыре УС *робы́ть / рабо́тать як / как буга́й*, *волк*, *ко́няка*, *соба́ка* 'много и тяжело работать' характеризуют труд как изнурительный процесс, лишаящий человека

последних сил и здоровья. Следует заметить, что *буга'й* и *коня'ка* имеют непосредственное отношение к тяжелому физическому труду, в то время как у *собаки* и *волка* иная функция. Эти зоонимы в приведенных УС подвергаются переосмыслению, символизируя в большей степени интенсивность действия, чем тяжесть и изнурительность работы.

Дружно работающих людей номинирует УС *як колашня'*. В русской культурной традиции муравьи ассоциируются с трудолюбием. Использование собирательного существительного подчеркивает ценность и результативность коллективного, сплоченного труда: станичники часто помогали друг другу при строительстве дома, по хозяйству. В целом ДФЕ с положительной характеристикой человека по его отношению к труду немного: положительный идеал воспитывается в сельской культуре через осуждение безделья и праздного времяпрепровождения.

Торгово-денежный дискурс стал источником появления ДФЕ *опозда'ть с куря'ми на база'р* 'прозевать', *успе'ть с курьми' / с ку'рами / ко'зами на база'р(ь)* 'прийти вовремя'. В рифмованной ДФЕ *променя'ть бы'ка на инды'ка* 'совершить невыгодный обмен' эти животные, как ходовой товар на сельском рынке, подвергаются концептуализации и символизируют противоположности по величине: *бык* – что-л. большое и *инды'к* – что-л. малое.

Источником ДФЕ, включающих анималистическую лексику, может быть обрядовый дискурс. Так, со свадебным обрядом связан устойчивый оборот *дары'ть зелёных гуся'т* 'обещать подарить молодожёнам после свадьбы еще не родившуюся живность'. В данной ФЕ под зоонимом *гуся'та* подразумевается любое домашнее животное или домашняя птица. Прилагательное *зелёный* в соответствии с народной традицией символизирует весну, рождение новой жизни: как правило, в данное время года у животных появляется приплод, обещанный в подарок. На Кубани гости часто дарили еще не родившуюся тёлочку, бычка, козу и т. д. Выражение имеет двойственную коннотацию: нейтральную и ироническую, поскольку, по рассказам информантов, обещания могли остаться невыполненными: *Мне на сва'дбу пада'ры'ли зилёных гуся'т. Я зимо'й за'муш выходи'ла. Ну от ка'г бы зилёныи, на висне' гуся'та, ани' да сих по'р лу'пяцца* (станция Кабардинская).

Обязательными на кубанской свадьбе и в наши дни являются *быки'(ы) / бугаи'* 'атрибут свадебного стола: две бутылки с горилкой, водкой или вином, связанные лентой и украшенные цветами', выступающие символом парности (в некоторых кубанских станицах их называют *па'рочкой*) и плодородия (*быки'(ы)* украшают колосьями пшеницы). Гости со стороны жениха ночью крадут *быки'(ы) / бугаи'*, за возвращение которых затем требуют выкуп. Выражение *ворова'ть быки'(ы) / бугаи'* обязано своим появлением этому шуточному свадебному эпизоду.

К свадебному обряду относятся и зарегистрированные в КГ с южнорусской языковой основой ДФЕ *вести' / води'(ы)ть журавля' / жу'рушку, закру'чивать журавля', на журавля'* – 'ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Таки'й, таки'й жураве'ль», а также другие песни и славить молодую после брачной ночи'. В. П. Чалов, ссылаясь на пьесу М. Л. Кропивницкого «Розгордіаш», отмечает, что первоначальное значение этих выражений – 'исполнять свадебный танец «Журавель»'. Затем танец исполнять перестали, но песня «Журавель» сохранялась как часть свадебного обряда [Чалов, 1981, с. 172]. По нашим наблюдениям, в настоящее время исполнение этой обрядовой песни практически ушло в прошлое, сам обряд редуцировался, а ДФЕ стали использоваться в значении 'ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы'. Ряженные веселились вместе со всеми, шутили, пили водку и вино. Именно это обстоятельство явилось причиной образования у выражения *вести' / води'(ы)ть журавля* второго значения – 'пьянствовать, забросив все дела' [ср. Чалов, 1981, с. 172–173].

Последний день традиционной кубанской *свадьбы* / *сва'йбы* номинирует и словоформа *на ку́ре* [э'й], распространённая на всей территории бытования КГ и входящая в активный лексикон диалектоносителей. В этот день принято подавать куриную лапшу, сваренную из птицы, пойманной во дворах гулявших на свадьбе. Кур приносили живыми, гости сообща их *руба'ли*, *па'трали* (обдавали кипятком), *ску'бли* (щипали), потрошили – делали все обязательно вместе. Курица в народной культуре выступает как символ новой жизни и жертвоприношения: блюда из курицы присутствуют и на свадебном, и на поминальном столе, отсюда бытующая на Кубани поговорка *Ку'рыцы и на сва'йбе, и на похорона'х – го'рэ*, отражающая вечную цепь «жизнь – смерть – жизнь».

В КГ известны и другие устойчивые обороты с зоонимами, связанные с обычаями, играми, забавами и гаданиями: на Масленицу – *води'ть ко'зу*, на Троицу – *води'ть куку'шку*, летом и на Рождество – *води'ть кобы'лу*, на Святки – *гада'ть на петуха'*. Названные обряды были характерны для всей территории Кубани, однако существовали и локальные традиции. Так, в станице Удобной на Троицу девочки восьми лет и старше *води'ли комаря' с комари'хой, одетых женихом и невестой* [Чурсина, 2003, с. 72]. Зафиксированы также представляющие собой словоформы названия игр с компонентом-зоонимом. См., напр.: *в(у) гусе'й* ‘играть в гуси-лебеди’, *в(у) жеребца'* ‘прыгать на палке, изображая всадника с лошадей’, *в(у) до'лгую козу'* ‘играть в чехарду’ и др. В круг названий предбрачных символических игр с поцелуями входят следующие зоонимы: *го'луб(ь)*, *перепёлушка*, *у'тка*. Популярным в прошлом среди молодёжи было *(и)гра'ть в(у) го'лубя*. В глагольном фразеологизме существительное реализует традиционную для этой птицы любовно-брачную символику. Орнитоним *перепёлка* в славянской мифологии олицетворяет женский образ, символизируя замужнюю женщину, вынужденную терпеть притеснения мужа. В. И. Чурсина считает, что в прошлом игра в перепёлку была обрядовой ‘веснянкой’, приближающей весну и брачный период [ср. Чурсина, 2005, с. 102]. Другая символическая игра – *в у'тку* – имитировала любящую пару: утка стояла в кругу, а селезень ее ловил, утку пропускали свободно, а селезень задерживали [Чурсина, 2005, с. 103].

Присущая обрядовой сфере зооморфная символика помогает понять этические и эстетические ориентиры, свойственные этническому сознанию.

Ритуальное действие номинирует выражение *души'ть кабана'*. На Кубани до сих пор принято сажать на тушу кабана людей, обычно детей, которые надавливают на неё своим весом, что впоследствии облегчает отделение сала. Приведем рассказ информанта из станицы Спокойной: *Було', зарэ'жут кабана', пасма'луть сало'май, накро'ют тря'пками, и дитвара' ляга'ють, шоп патпа'рылася. Душы'лы кабана', шоп са'ла було' мя'хка, шку'рка була'*.

Если рассмотренные ДФЕ, связанные с обрядами, ритуалами и забавами, функционируют в рамках «своего» дискурса, то кубанская ФЕ *на сра'ной / ды'кой козе' не подье'дешь* ‘о высокомерном, заносчивом человеке’, сближающаяся с просторечным фразеологизмом *на козе' не подье'дешь* из речи русских «потешных людей», используется за пределами первоначального игрового дискурса. «Потешные люди» веселили своих покровителей игрой на гусях и «обряжанием» в козу, журавля, медведя. В их репертуаре была езда на козлах или свиньях. Однако на угрюмых особ даже «коза не действовала»: они не улыбаются забавам скоморохов [Бирих и др., 2001, с. 270]. Прилагательные *сра'ная / ды'кая* в составе кубанской ДФЕ придают обороту повышенную эмоциональность. Использование оценочной лексики с определениями, выполняющими усилительную функцию, обусловлено постоянным обновлением экспрессивных средств языка [ср. Ивашко, 1981, с. 28].

Источником ДФЕ выступает и фольклорный дискурс. Часто во фразеологизм превращается четырёхстрочная частушка, которая обычно теряет двустигии. Подобное

усечение может происходить и с песенным куплетом. См., напр., трансформацию в ДФЕ *ру'ки, но'ги как / як у ра'ка, а сам ры'жий / ста'рый как / як соба'ка* строфы из украинской шуточной народной песни «Очерет лугом гуде»: *В тебе стан, як у баби, / В тебе очі, як у жаби, / Руки, ноги, як у рака, / А сам рудий, як собака*. Строфа из свадебной корильной песни: *Не тебе, дружко, дружковать, а тебе, дружко, свыней пасть с длинною ломакай, с чёрною собакою* – трансформировалась в ДФЕ *тебе', дружко', не дружко(у)ва'ть, а сви(ы)не'й пасть* ‘шутливый укор дружку на свадьбе, когда он отступает от ритуала’. От частушки иногда может оставаться лишь одна строка или даже один оборот. Так, ДФЕ *сы'ва(я) як вивця'* ‘о седой женщине’ – результат редукции строчки из частушки *Бу'ду сы'ва як вивця', но не вы'йду за старця' / вдовця'*. Похожий пример приводит В. П. Чалов: *да'ли в прида'ное кобеля' була'ного* (ср. частушку *Меня' свата'тали сваты', / Проси'ли прида'ного, / Им папа'ша обеща'л / Кобеля' була'ного* [Чалов, 1981, с. 151]). С записанной в станице Новолабинской дразнилкой *Михаи'л коро'в дои'л – ти'тька оборва'лася, он хоте'л её приши'ть – мама'ша (ма'мка) заруга'лася* сближается ДФЕ *не прише'й кобы'ле хвост* ‘о неумелом, бестолковом работнике’.

К фольклорным текстам относятся и различные шутливые, иронические рифмовки, в основе которых типичные дискурсивные ситуации, знакомые тем, кто причастен к понятийному миру носителя данного диалекта. Отдельные словосочетания из рифмовок благодаря содержащейся в них экспрессивности становятся фразеологизмами. См., напр.: *как пёс гуля'ть* ‘распутничать (о мужчине)’ (*Как пёс гуля'л*: по всем дворам хвостом вилял), *как у соба'ки репьяхо'в* ‘очень много, в избытке’ (*Долгов как у соба'ки репьяхо'в*). Продуктивный путь – рождение ФЕ из пословиц и поговорок в результате их редукции. Так, пословица *На криво'й ло'шади (или кривы'х огло'блях) плу'га не объе'дешь* стала основой для кубанской ДФЕ *на (криво'й) кобы'ле не объе'дешь* ‘о человеке опытном, которого не обманешь’. Появление субститута *на кобы'ле* объясняется синонимическими отношениями лексических единиц *лошадь* – *кобыла*. См. также: *де'ло теля'чье* ‘не имеет никакого отношения к кому-л.’ (*Твоё / моё де'ло теля'чье*: пососав – и в базок).

Некоторые фольклорные жанры трансформировались в две ФЕ. Напр., на основе докучной сказки «–*Рассказать тебе сказку про белого гуся?* –*Расскажи. – Би'ле[э] гуся', пух – тай уся'*» родилось два устойчивых выражения: *раска'зывать ска'зку про бе'лого гуся* и *ска'зка про бе'лого гуся'*, синонимичные известным и в говорах, и в литературном языке ФЕ аналогичного происхождения *раска'зывать ска'зку про бе'лого бычка'*, *ска'зка про бе'лого бычка'*. В КГ функционируют также глагольный ДФЕ *роска'зывать про рога'ту(ю) соба'ку* ‘рассказывать небылицы’ и именные ДФЕ со значением ‘небылицы’: *ста'рой / бе'лой кобы'лы сон*. Выразительный эффект у всех этих выражений возникает за счёт алогичности компонентов, создающих, по образному определению В. М. Мокиенко, «климат невозможности» [ср. Мокиенко, 2009, с. 317].

Одесскому городскому фольклору обязано своим происхождением устойчивое выражение *хы'мыны ку'ры* ‘выдумки, враньё’, в состав которого входит имя собственное, принадлежащее некой тётке Химе, торговавшей на одесском рынке битой птицей. Появление субститута *гу'си* в кубанской ДФЕ *хы'мыны гу'си* – результат варьирования, возникшего на основе тематической общности слов – домашняя птица.

Некоторые ДФЕ утратили связь с устным народным творчеством по причине забвения фольклорных текстов. Это относится к восходящему к анекдоту выражению *оп(ь)я'ть за ры'бу гро'ши* ‘опять одно и то же говорить, постоянно возвращаться в разговоре к тому, что обсуждать бессмысленно, поскольку данная тема уже была ранее исчерпана’, эквивалентному ФЕ *опя'ть два'дцать ня'ть*.

ФЕ могут быть связаны с христианскими и языческими верованиями носителей КГ. В народном сознании естественные наблюдения над природными сменами сезонов

тесно переплетаются с мифологическими объяснениями календарного поведения животных. Так, в основу выражений с *Га́нниного зача́ття до Хреще́ния во́лки бе́гають* ‘о периоде с 9 декабря (день Святой Анны) до 19 января (Крещение)’, *на зача́тие Га́нны во́лчи ти́чки бе́гають* ‘о дне 9 декабря’ положены древние языческие верования славян, связанные с народным календарём. Волки наиболее опасны для людей и домашних животных поздней осенью и зимой. В это время они бегают стаями, справляя свои свадьбы – *ти́чки*. И только Святой Георгий Победоносец, по народным представлениям повелитель волков, замыкает им пасть, не позволяя больше вредить людям [ср. Виноградова, 1996, с. 150]. Этот запрет начинает действовать в весенний период (с 23 апреля / 6 мая). В бытующем на Кубани фразеологизме *волк зи́му съел* (буквально пережил зиму, тяжёлое для волка время года) речь идёт об оттепели, предвещающей наступление весны. Представление о зиме как о наиболее голодном для волков времени актуализируется в ДФЕ *не пе́рвая во́лку зима́ зимова́ться* ‘не впервой’, несущей идею преодоления человеком жизненных испытаний, приобретения им опыта выживания в трудных условиях. В приведённых выражениях отражается символическая связь волка с пограничным, переломным периодом – сменой зимы весной.

Общепонятный зооним *волк* и его диалектный фонематический вариант *вовк* являются компонентами ДФЕ *во́в(л)ки́(ы́) вы́(о́)ють*, внутренняя форма которой связана с народным поверьем о том, что вой волков предвещает голод [Гура, 1997, с. 156]. Расширенная версия кубанского оборота *в горо́ди во́в(л)ки́(ы́) вы́(о́)ють* находит отражение в его значении ‘о заросшем, запущенном огороде, саде’ и указывает на отсутствие урожая – причину голода. Старожилы, вспоминая тяжелые, голодные 30-ые годы XX в., рассказывают: станицы находились в таком запустении, что волки не боялись подходить близко к жилищу человека. Полагаем, что возникшая реальная ситуация стала основой для переосмысления и формирования образа ДФЕ, основанного на первичных значениях слов в прототипной ситуации.

Лексема *волк* входит и в состав идиорефлекса *волк тебя́ отдуби́*, представляющего собой идиоматизированный вербальный рефлекс на типовую ситуации общения. Его функциональное назначение заключается в выражении частной реакции на поступки или слова собеседника. В этом идиорефлексе глагол в императивной форме направлен не к тому, кого проклинаят, а к тому, кто должен осуществить злопожелание. Субъектом действия выступает *волк*, который в мифологической картине мира замещает эталонного персонажа проклятий – нечистую силу. Диалектный глагол *отдуби́ть* в свободном функционировании в КГ не зафиксирован. Внутренняя форма слова позволяет предположить многослойность его семантики: с одной стороны, диалектизм созвучен просторечному глаголу *отдуба́сить*, южнорусским *отдуба́чить*, *отдубо́рить* ‘избить’ [Словарь русских..., 1955–, вып. 24, с. 169], с другой – корень ДУБ- позволяет провести параллель с просторечной ФЕ *дать ду́ба* ‘умереть’, что поддерживается народными представлениями о связи волка с умершими, обусловленной его хтонической природой [ср. Гура, 1997, с. 122].

Мифологическую основу имеют также ДФЕ *жа́ба цы́цку / ти́тьки / си́ськи дала́ / даст(ь)* (ср. в украинском языке *жа́ба пить (ци́цки, ци́ці) дасть кому́* ‘утопится, пропадёт, сгинет кто-н.’ [ср. Словник..., 1970–1980, Т. 2, с. 499]). Согласно преданию у *лягу́шки / жа́бы* есть женская грудь и она может накормить (напоить) человека. Однако это небезопасно, поскольку яд *жа́бы* сильнее змеиного. В КГ ДФЕ функционирует в двух значениях: ‘1) кто-то умер; 2) что-то испортилось’. Второй, локальный ФСВ возник на основе переосмысления первого в результате метафорического переноса на неодушевленный мир.

Аналогичный семантический перенос наблюдается и в полисемичных ДФЕ *уро́довать / расчаву́чить как Бог черепа́ху* ‘1) избить кого-л.; 2) испортить что-л.’.

Устойчивые выражения соотносятся с мифологическими представлениями, согласно которым черепаха обнаруживает родство с лягушкой и змеей, что находит подтверждение в многочисленных легендах (см. украинские легенды о происхождении черепахи от гадюки или летающего змея [Гура, 1997, с. 392–393]). Кубанские ДФЕ близки общенародным *наказа'ть / разде'лать / отде'лать как Бог черепа'ху* 'причинить тяжкие телесные повреждения'. Фразеологизмы содержат аллюзию на библейское проклятие Богом змея: «на чреве твоём ползать будешь». За то, что черепаха приносила человеку много бед (напр., летающая черепаха объедала людям носы и выедала глаза), Бог сделал её уродливой, наградив тяжелым панцирем [Гура, 1997, с. 393]. Образная основа ФЕ связана с физиологическими особенностями и морфологией черепахи, явившимися следствием божественного проклятия: это её медлительность и необходимость прятать голову в панцирь от ударов врагов. Глаголы *суро'довать* 'изуродовать' и *расчаву'чить* 'распластать, размять' в составе кубанских ФЕ акцентируют внимание на зрительном образе, усиливая в значении ДФЕ признаки уродливости и придавленности к земле.

Устойчивые выражения могут быть связаны с этномедицинскими знаниями кубанских казаков. Так, распространенный способ лечения *кри'ксы* 'бессонницы' у детей – *носи'(ы)'ть под / пид куре'[э']й / кур*. Люди стремились «передать» болезнь животным как при помощи непосредственного контакта, так и посредством заговоров, магических действий. Как правило, заговор от *кри'ксы* был обращен к курам: «Куры белые, куры черные, куры желтые...», «Куры-курицы...», «Куры рябые, куры пестрые, валохатые...», «Куручка ряба, белая, серая...» (подробное описание заговорных текстов см. [Семенцов, 2003]). ДФЕ *на него' ко'нский прожо'р напа'л*, номинирующую человека, который много ест, но не полнеет, В. П. Чалов связывает с другим кубанским фразеологизмом – *на'до его' с подла' покорми'ть*. Основанием для сравнения является вера носителей КГ в то, что худого человека можно вылечить, если он будет следовать за лошадью, которую знахарка, пятась назад, кормит из подола платья тремя хлебами: пшеницей, овсом и ячменем [Чалов, 1981, с. 168–169]. Можно предположить и сближение ДФЕ *на него' ко'нский прожо'р напа'л* с общенародной ФЕ *не в коня' корм* и диалектной *сини'цу хоть в пшени'цу* 'о худом, неполнеющем человеке'.

Ряд устойчивых выражений с анималистическим компонентом восходит к военному дискурсу. В этих ДФЕ раскрываются субэтнические представления носителей КГ о военном быте казаков. Одна из них – устаревшая ДФЕ *во'лчья со'тня*. Так во времена Гражданской войны называли войсковое соединение из подчинённых генералу А. Г. Шкуро белоказачков, отличавшихся особенной жестокостью. Синонимом указанной ДФЕ выступает устойчивое выражение *чёртова со'тня*. Полагаем, что их синонимичность не случайна, поскольку *волк* связан с нечистой силой: во всех славянских зонах распространена легенда о том, что он был сотворён чертом против Бога [Гура, 1997, с. 122].

Значимое место в воинской службе кубанских казаков занимал *конь*. В зафиксированных кубанских ФЕ зооним реализует прежде всего основное, «казачье» значение – 'боевой конь'. См., напр.: *на коня' устар.* в качестве подарка брату невесты на покупку боевого коня', *быть на коне' и под конём* 'много испытать', *дать коню' нага'йку* 'подстегнуть коня, заставить его ускорить бег', *конём игра'ть* 'скакать', *с коня' не сла'зить* 'постоянно участвовать в военных походах, воевать', *конь во'зит во'ду и воево'ду* 'конь используется и для хозяйственных, и для военных нужд', *то и конь, что трено'ги рвёт* 'о своевольном, свободолюбивом боевом коне'.

Большинство выражений с зоонимом *конь* можно рассматривать как фразы словично-поговорочного типа, представляющие собой наставления, поучения, своеобразные кавалерийские заповеди, которые употребляются в прямом смысле. В них говорится о кровном родстве и единении казака с конём (*Конёк мой верный – кубанская кровь. Конь – душа казака. Без коня казак кругом сирота. Терпи, казак, атаманом бу-*

дешь, а умрёшь – с коня в рай попадёшь и др.), подчёркивается важное значение коня в жизни казака (*Нету ничего дороже казаку, чем конь. Без коня казак не казак* и др.), даются советы беречь коня как верного друга (*Хороший казак коня своего сам холит. Береги коня как зеницу ока. Не тот хозяин / атаман, кто в стремя ногу вложил, а тот, кто сыто лошадь накормил* и др.), отражается любовь к этому животному (*И спит и коней / лошадей во сне видит* и др.) (см. подробнее [Епатко, 2020]).

В нескольких ДФЕ с компонентом-зоонимом находят отражение межэтнические контакты. Напр., ДФЕ *дурни'й як туре'цький кинь* связана с неприязненным отношением кубанских казаков к туркам, с которыми они вели кровопролитные войны. Отметим, что в КГ широко бытует УС *как ту'рок / ту'рка*, характеризующее глупого человека, не понимающего того, что ему говорят. См. также выражение проклятия *будь оно' три'жды туре'цкое*, в котором проявляется национальный антагонизм. В основе этих и ряда других ДФЕ лежат исторически сложившиеся этностереотипы, общенациональные и субэтнические. Так, традиционно цыгане считаются коневодами и конокрадами, способными обуздать любого коня, отсюда выражение *кома'ндувать як цыга'н коньмы' 'подчинять окружающих своей воле'*. Конь – культовое животное и для татар, которые согласно сложившемуся в русской культуре стереотипу также отличаются хитростью, склонностью к обману и конокрадству. Эти устойчивые представления нашли отражение в воровском аргю, из которого в КГ пришло выражение *иска'ть у тата'рина кобы'лу* 'заниматься бесполезным делом'².

Тесные торговые отношения складывались у кубанских казаков с соседями-ногайцами. Ценные верховые качества, выносливость, скорость лошадей, поставлявшихся в казачьи войска представителями этого кавказского народа, стали когнитивной основой для следующих устойчивых выражений: *как кобы'ла нога'йская ска'чет / но'сит-ся / на'саётся / бе'гает* 'о том, кто быстро бежит и скачет', *как кобы'ла нога'йская 'здоровый, гладкий'*. Последняя ДФЕ зарегистрирована ещё в двух ФСВ. Один из них – 'о не в меру резвящемся подростке (чаще – девочке)', появление которого обусловлено ассоциациями гиперактивности здорового подростка с резвостью кобылы ногайской породы. Семантический компонент 'не в меру' придаёт фразеологизму отрицательную коннотацию. Как известно, в диалектном сообществе традиционно осуждаются действия, выходящие за пределы нормы. Большей степенью пейоративности обладает ФСВ 'развязно ведущая себя женщина', поскольку такое поведение вызывает резкое неприятие в народной среде. Отнесённость к характеристике лица женского пола обусловлена устойчивым сравнением в КГ женщины с кобылой (ср. *кобы'ла стри'женая, стро'йная як кобылы'ця, иржа'ть як кобы'ла*). Синонимом УС *как кобы'ла нога'йская* является УС *как кобы'ла неме'цкая* 'здоровый, гладкий', в котором находят отражение представления кубанских казаков о том, что немцы всегда тщательно ухаживали за лошадьми, в результате чего те отличались упитанностью и физической силой. Таких лошадей казаки могли видеть в немецких колониях, существовавших на территории края с середины XIX века, и на фронте во время Первой мировой войны, когда в немецкой артиллерии в качестве тягловой силы использовались мощные лошади-тяжеловозы.

Специфичными для кубанской фразеологии являются ФЕ, образованные в результате наблюдений местных жителей над речью кавказцев-билинггов, не вполне овладевших русским языком. Такие ДФЕ обладают шуточной или иронической коннотацией, создающейся в результате сознательного отступления от нормы (отсутствие согласования между определением и определяемым словом, подлежащим и сказуемым, нарушение управления – несклонение существительных, отсутствие предлогов), что усиливает коми-

² Первоисточник устойчивого выражения – «Словарик воровского и арестантского языка» (Киев, 1912), составленный приставом В. М. Поповым, – приводит В. П. Чалов [Чалов, 1981, с. 79].

ческий эффект. Так, устойчивый оборот *черке'сский бу'йло хоро'ший: Некра'совка ныря'л – Тенги'нка вы'нырнул* представляет собой шутивное выражение сомнения в правдивости чьих-либо слов, построенное на основе гиперболизации. Иронический подтекст заключается в том, что станицы Тенгинская и Некрасовская расположены на правом берегу реки Лабы, по которой проходит граница Краснодарского края с Адыгеей, расположенной на левом берегу. *Черке'сский бу'йло*, находясь на адыгейской стороне, никак не сможет нырнуть около станицы Некрасовской и тем более вынырнуть возле станицы Тенгинской, расстояние между которыми более 20 км. Когнитивной базой эмотивно-оценочной репрезентации этнокультурного знания послужили стереотипизированные представления казаков о черкесах, сформировавшиеся в процессе торгово-рыночных отношений: продавая скот, представители этого народа часто значительно преувеличивали достоинства товара, чтобы повысить цену.

Имитация особенностей русской речи горцев находит отражение и в следующих ДФЕ, приведённых в диссертационном исследовании В. П. Чалова: *оди'н бара'шка – де'сять бума'жка* 'о бюрократизме и волоките, допускаемых при описи или страховании скота, при определении годности мяса забитых животных', *гора' круто'й, ише'к худо'й, курса'к пусто'й, дощ мо'чить, а постола' йти не хо'четь* 'необходимо отдохнуть, перекусить, говорится в шутку уставшим и проголодавшимся человеком' (*курса'к* 'живот', *постолы'* 'обувь из свиной кожи'), *хоро'ший ри'бка, сам киби'тка прискака'л* 'шутивная похвала рыбному блюду; говорится и при виде лягушки, замеченной вблизи дома' [Чалов, 1981, с. 85]. В нескольких закубанских станицах зафиксировано присловье, выражающее ироническое отношение к обычаю выгонять коров в стадо на Георгия. В нем карачаевец сетует на запрет выгона скота до дня Святого Георгия: *Яго'рка пришёл, травы' принёс! А бара'н издо'х – ку'шай сама'* [Зудин, 2013]. Следует отметить, что в приведенных примерах зоонимы *бара'шка* 'барашек', *бу'йло* 'буйвол', *ише'к* 'ишак' зафиксированы только в составе данных ДФЕ и не употребляются как самостоятельные лексические единицы. Рассмотренные ДФЕ высвечивают осознание казаками этнической чуждости народов другой культуры, проявляющейся на речевом уровне.

Следует отметить, что гораздо больше, чем этнические различия, для кубанских казаков значили различия сословные. На Кубани до сих пор существует оппозиция «казак – не казак». Наименования иногородних, как правило, обладают презрительной коннотацией. Одно из них – бранное выражение *чи'га гостропу'зая* (ср. *чи'га, чечу'га* 'свинья' [Гринченко, 1958–1959, Т. IV, с. 461]).

3. Выводы [Conclusion]

Проведённое исследование демонстрирует разнообразие когнитивных механизмов возникновения функционирующих в КГ устойчивых выражений с компонентом-зоонимом, обусловленное тем, что человек, основываясь на чувственных впечатлениях, в силу антропоцентричности своего мировидения проводит аналогию между собственным миром и миром животных. Большинство кубанских ФЭ с анималистической лексикой, среди которых преобладают фразеологизмы, номинирующие действия и состояния человека, опирается на зрительное восприятие. На человека проецируются также поведенческие особенности животных, их внешний вид. Когнитивным механизмом при образовании ДФЕ выступают и слуховые ассоциации. В данной группе ДФЕ выделяются устойчивые выражения, указывающие на отсутствие певческих данных. Этноспецифичность этих оборотов обусловлена презрительно-ироническим отношением кубанских казаков к неумению петь. Ряд ДФЕ базируется на осязательных, обонятельных или вкусовых впечатлениях диалектоносителей. Зафиксированы устойчивые выражения, в которых совмещаются разные когнитивные механизмы (слуховые и зрительные).

В целом диалектный материал позволяет заключить, что на основе чувственных ассоциаций рождаются яркие этнически и культурно маркированные ДФЕ. К дискурсивным источникам появления ДФЕ с компонентом-зоонимом относятся: хозяйственная деятельность кубанских казаков (земледелие и животноводство), промысловая сфера (охота, рыбалка), торгово-денежный дискурс. Многие ДФЕ связаны с обычаями, играми, забавами и гаданиями. Присущая обрядовой сфере зооморфная символика помогает понять этические и эстетические ориентиры, свойственные этническому сознанию носителей КГ. Продуктивным источником кубанских ФЕ выступает фольклорный дискурс (пословицы, поговорки, частушки, песни, докучные сказки, анекдоты). ДФЕ могут быть связаны с христианскими и языческими верованиями, этномедицинскими знаниями кубанских казаков. Колоритный пласт образуют устойчивые выражения с анималистическим компонентом, восходящие к военному дискурсу. В них раскрываются субэтнические представления диалектоносителей о военном быте казаков, об особенном отношении казака к коню, с которым он чувствует кровное родство и единение. В нескольких ДФЕ с компонентом-зоонимом находят отражение этностереотипы, сформированные в результате межэтнических контактов кубанских казаков с черкесами, ногайцами, татарами, турками, немцами и др., а также наблюдения местных жителей над речью кавказцев-билингвов, не вполне овладевших русским языком.

Установленные дискурсивные источники появления ДФЕ позволяют проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний носителей КГ. Проанализированный языковой материал подтверждает значимость зооморфного кода в ДКМ жителей Кубани и демонстрирует, что в значении рассмотренных ДФЕ как продукте когнитивно-дискурсивной деятельности человека интегрируются результаты чувственных впечатлений, деятельностного познания мира и его концептуализации.

Список литературы

- Андрющенко и др., 2009 – Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани / В. И. Андрющенко, Р. И. Иванова, Т. Г. Иванова, В. М. Пелих. Армавир : Изд-во АГПУ, 2009. 264 с.
- Бирих и др., 1998 – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. Ю. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
- Борисова, 2019 – Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... докт. филол. наук : 10. 02. 01 / Борисова Ольга Геннадиевна ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019. 612 с.
- Борисова, 2018 – Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Виноградова, 1996 – Виноградова Л. Н. Мифология календарного времени в фольклоре и верованиях славян // Славянский альманах. 1996. С. 143–155.
- Гринченко, 1958–1959 – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев : Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958–1959.
- Гура, 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
- Епатко, 2020 – Епатко Т. А. Особенности лексической репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 19–24.
- Зудин, 2013 – Зудин А. И. Животноводческий обрядовый комплекс в традиционной культуре восточнославянского населения Кубани: опыт субрегионального исследования // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар : Традиция, 2013. С. 366–385.
- Ивашко, 1981 – Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 111 с.

- Лексика и фразеология..., 2019 – Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику / отв. ред. В. М. Пелих. Армавир : Изд-во АГПУ, 2019. 224 с.
- Мокиенко, 2009 – Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М. : Флинта, 2009. 464 с.
- Огольцов, 1978 – Огольцов В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
- Русский говор..., 1991 – Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. 414 с. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 1992, № 47266.
- Семенцов, 2003 – Семенцов М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков XIX–XX веков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9) : материалы Региональной науч. конф. / науч. ред. М. В. Семенцов. Краснодар : Крайбибколлектор, 2003. С. 75–90.
- Словарь русских..., 1965 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–.
- Фёдоров, 1980 – Фёдоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1980. 192 с.
- Чалов, 1981 – Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук; 10. 02. 01 / Чалов Валерий Павлович; Московский ордена Трудового Красного Знамени областной пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 292 с.
- Чурсина, 2003 – Чурсина В. И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ. Краснодар : Кубанькино, 2003. 262 с.
- Чурсина, 2005 – Чурсина В. И. Народная культура славян Кубани (конец XVIII–XX вв.). Краснодар : Кубанькино, 2005. 260 с.
- Шипова, 1976 – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 392 с.
- Словник..., 1970–1980 – Словник української мови: в 11 т. Київ : Наукова думка, 1970–1980.

UDC 81'282.2

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51

Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
 leliastom@mail.ru, patriot30@mail.ru

Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: cognition mechanisms

Abstract

The article examines cognitive mechanisms of Kuban region set expressions origin, which include animalistic vocabulary and which represent a significant part of dialect picture of the world. The material for the research was taken from regional printed and handwritten lexicographical sources on a subject of Kuban sub-dialects, as well data was collected during long-term dialect expeditions. The results demonstrate the variety of these mechanisms, which are based on actual observations by the sub-dialect speakers on behavior, peculiar appearance, voice, smell of animals and human actions in regard thereto. The amount and variety of selected tokens prove the significance of zoomorphic code in the Kuban region inhabitants' world view. Ethnocultural conjoinings of set expressions were found, which provide insight into the unique nature of the villager's world view. The analysis of discursive sources of origin of phraseological units with a zoonym component enabled to trace the birth of a new cognitive structure as a result of conceptualisation of human knowledge. It was

demonstrated, that meanings of Kuban phraseological units, being the product of cognitive and discursive activity of sub-dialect speakers, unite the results of sensuous impressions and pragmatist perception of the world around us.

Keywords: dialect world view, zoomorphic code, Kuban dialects, cognition mechanisms, zoonyms, phraseologisms.

© Borisova O. G., Kostina L. Yu. 2021

For citation: Borisova, O. G., Kostina, L. Yu. (2021). Frazеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: Механизмы когнитивной [Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: Cognition mechanisms]. *Теоретическая и прикладная лингвистика* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 35–51. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51.

References

- Andryushchenko, V. I., Ivanova, R. I., Ivanova, T. G., Pelikh, V. M. (2009). *Slovar' kubanskikh govorov. Krasnodarskiy kray: vostochnyy region Kubani* [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar region: Eastern region of Kuban]. Armavir : ASPU Press.
- Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. YU. (1998). *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Saint-Petersburg : Folio-Press.
- Borisova, O. G. (2019). *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya* [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro system: a model and implementation]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University.
- Borisova, O. G. (2018). *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar : Kuban State University Press.
- Vinogradova, L. N. (1996). *Mifologiya kalendarnogo vremeni v fol'klоре i verovaniyakh slavyan* [Mythology of calendar time in the folklore and beliefs of the Slavs]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 143–155.
- Grinchenko, B. D. (1958–1959). *Slovar' ukrainskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Ukrainian: In 4 volumes]. Kiev : National Academy of Sciences of Ukraine Press.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow : Indrik Press.
- Epatko, T. A. (2020). *Osobennosti leksicheskoy reprezentatsii kontsepta KON' v kubanskom frazeologicheskom fonde* [Features of lexical representation of the concept HORSE in the Kuban phraseological fund]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (4), 19–24.
- Zudin, A. I. (2013). *Zhivotnovodcheskiy obryadovyy kompleks v traditsionnoy kul'ture vostochnoslav'yanskogo naseleniya Kubani: opyt subregional'nogo issledovaniya* [Livestock ritual complex in the traditional culture of the East Slavic population of Kuban: experience of a sub-regional study]. In N. I. Bondar, A. I. Zudin (Ed.), *Etnokul'turnoe prostranstvo YUga Rossii (XVIII–XXI vv.)* [Ethnocultural space of the South of Russia (XVIII–XXI centuries)]: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference (pp. 366–385). Krasnodar : Traditsiya Press.
- Ivashko, L. A. (1981). *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii* [Essays on Russian dialect phraseology]. Leningrad : Leningrad State University Press.
- Pelikh, V. M. (Ed.). (2019). *Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo lineynogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku* [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: Materials for the dictionary-reference]. Armavir : ASPU Press.
- Mokienko, V. M. (2009). *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: Historical and etymological essays on phraseology]. Moscow : Flinta Press.
- Ogol'tsov, V. M. (1998). *Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii* [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Leningrad : Leningrad State University Press.

- Russkiy govor Kubani (1991). *Russkiy govor Kubani: slovar'* [Russian dialect of Kuban: dictionary]. In E. P. Sheynina, E. F. Tarasenkova (Eds). Krasnodar. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266.
- Sementsov, M. V. (2003). Ispol'zovanie sredstv i produktov zhivotnogo proiskhozhdeniya v narodnoy meditsine kubanskikh kazakov XIX–XX vekov [Use of means and products of animal origin in folk medicine of the Kuban Cossacks of the XIX–XX centuries]. In M. V. Sementsov (Ed.), *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2002 god. Dikarevskie chteniya (9)* [Results of folklore and ethnographic research of ethnic cultures of the North Caucasus in 2002. Dikarev readings (9)]: Proc. of the Regional Scientific Conference] (pp. 75–90). Krasnodar : Kraybibkollektor Press.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds). (1965–). *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, St. Petersburg : Nauka Press.
- Fedorov, A. I. (1980). *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Chalov, V. P. (1981). Istoriko-lingvisticheskiy ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchiy ego istoriyu, voenny byt i dukhovnyy kul'turu [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks: History, military life and spiritual culture]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Regional Pedagogical University named after N. K. Krupskaya.
- Chursina, V. I. (2003). *Fol'klоре slavyan Kubani: istoriko-kul'turologicheskiy analiz* [Folklor of the Kuban Slavs: Historical and cultural analysis]. Krasnodar : Kuban'kino Press.
- Chursina, V. I. (2005). *Narodnaya kul'tura slavyan Kubani (konets XVIII–XX vv.)* [Folk culture of the Kuban Slavs (late XVIII-XX centuries)]. Krasnodar : Kuban'kino Press.
- Shipova, E. N. (1976). *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of turkisms in Russian]. Alma-Ata : Nauka Press.
- Slovník ukrains'koi movi (1970–1980). *Slovník ukrains'koi movi: v 11 t.* [Dictionary of Ukrainian: In 11 v.]. Kiiv : Naukova dumka Press.